

Су Цзюгуй внимательно разглядывал золотое ядро Ло Цяоцяо. В прошлой жизни мирские желания и страсти были ему чужды. Впервые он ощутил вожделение к чуждому демоническому ядру, но не успел и пальцем пошевелить, как золотое ядро паука само стремительно скользнуло внутрь него, точно капля воды, впитывающаяся в сухую землю.

Прежде его дантянь пустовал — прежний хозяин этого тела погиб и превратился в марионетку еще до того, как успел сформировать собственное ядро. Теперь же внутри теплилась чужая жизнь. Золотое ядро покоилось в глубине его естества, точно жемчужина, укрытая в створках раковины.

Су Цзюгуй нашел это тело на удивление занятым. Оно походило на сосуд, способный без остатка вместить в себя чужое демоническое золотое ядро.

«Но смогу ли я подчинить себе эту силу?»

Эта мысль заставила его изогнуть бровь. Затаив дыхание, он сосредоточился и потер кончики большого и указательного пальцев, пытаясь пробудить и направить силу, некогда принадлежавшую Ло Цяоцяо.

Раздался тихий, едва различимый шорох. Сяобай затаил дыхание, боялся проронить хоть слово и не мигая уставился на кончики его пальцев. Если ничего не выйдет — полбеда, но если магия откликнется, это сулило немало хлопот в будущем.

Двадцать шесть попыток не принесли ровным счетом ничего. Однако Су Цзюгуй не вешал носа, упрямо пробуя вновь и вновь. Терпения бывшему бессмертному почтенному было не занимать.

Лишь на сто шестьдесят девятый раз между пальцами вспыхнула крошечная золотая искра. Небольшая, но ослепительно яркая, она притаилась на самом кончике его пальца, слабо подрагивая, словно живой светлячок.

Попытка увенчалась успехом.

Су Цзюгуй мягко улыбнулся:

— Красиво?

Сяобай почувствовал себя глупой девчонкой, которую вздумали разыграть. В такой судьбоносный момент Су Цзюгуй забавлялся с ним, показывая фокусы с огоньком. Щеки юноши слегка порозовели.

— Красиво, — пробормотал он, все еще не оправившись от изумления.

Золотая искра угасла, но пальцы Су Цзюгуя не сомкнулись — между ними натянулась тончайшая, вязкая нить. Она ловила солнечные лучи, слабо мерцая, и разглядеть ее, не приглядываясь, было почти невозможно.

Су Цзюгуй коснулся нити левой рукой. Едва подушечка пальца коснулась натяжения, как кожу обожгло острой болью — ощущение было такое, словно он прижал палец к лезвию бритвы. Стоило надавить чуть сильнее, и сталь без труда срезала бы плоть до кости. Эта нить была прочнее закаленного клинка.

«Неужели... это паутина Ло Цяоцяо? Неужели я и впрямь унаследовал его силы?»

Но как лис мог подчинить себе золотое ядро паука?

Среди демонов законы развития были просты: твари обычно пили человеческую кровь и поглощали чужую жизненную силу. Междоусобные распри ради самосовершенствования случались редко — даже если сожрать золотое ядро собрата, это лишь немного укрепит собственное совершенствование, не более. Словом, демоны редко зарились друг на друга. И уж подавно никто в здравом уме никогда не слышал, чтобы одно существо переняло врожденный дар другого.

Лисы, к примеру, испокон веков славились своей Техникой Иллюзорного Взора. На начальных этапах они могли очаровывать смертных, лишая их воли, а достигнув вершин мастерства, ткали столь безупречные иллюзии, что те становились неотличимы от яви, неся гибель целым странам. Нынешнее тело Су Цзюгуя принадлежало лису. По всем законам природы, поглощение чужого золотого ядра должно было лишь приумножить его колдовскую силу взора, но никак не наделить способностью прять смертоносную паутину.

«Быть может, все дело в том, что у этого тела не было собственного золотого ядра?»

Но даже так: лис, плетущий паутину и управляющий марионетками, — это же сущий абсурд! О подобном никто отродясь не слыхивал. И если он действительно перенял способности Ло Цяоцяо, значит ли это, что он сможет забрать силу третьего, четвертого демона?

Больше всего Сяобая поразило то, что сам Су Цзюгуй нисколько не удивился. Возможно, бессмертный просто слишком привык сохранять невозмутимость, и даже нечто столь невероятное не могло лишить его равновесия. Он лишь едва заметно приподнял бровь — мимолетная тень изумления скользнула по его лицу и тут же растаяла. Он принял это новшество как нечто само собой разумеющееся.

«Но ведь он — бессмертный праведник! Как почтенный старец может пожирать демоническую плоть и силу? Откуда в нем этот дар: от природы несчастного лисенка или от самой души Су Цзюгуя?»

— Испугался? — негромко спросил Су Цзюгуй.

За окном как раз разгорался рассвет. Комнату залило ярким утренним светом, который пробился вглубь покоев почти на три чи, однако от этого зрелища почему-то веяло потусторонним холодом.

Сяобай запоздало осознал: Су Цзюгуй даже не подумал утаить от него содеянное. Поглощать чужие золотые ядра и подчинять себе чужую силу — на подобное в Поднебесной были способны единицы, и каждого из них клеймили не иначе как величайшим демоном, несущим гибель всему живому. Пронесись по миру весть о способностях Су Цзюгуя, раса демонов содрогнулась бы от ужаса и ярости, и на лиса открыли бы беспощадную охоту.

И все же Су Цзюгуй проделал это прямо у него на глазах, будто ни капли не боясь предательства. Сяобай замялся, не зная, хвалить ли спутника за безрассудную отвагу или ругать за глупость. Сам-то он никогда не причинил бы вреда своему благодетелю, но окажись на его месте враг?

Впрочем, ответ лежал на поверхности: Су Цзюгуй его испытывал.

Лицо Сяобая, от природы кроткое и невинное, мгновенно озарилось ласковой улыбкой.

— Не боюсь, — сладко пропел он. Его белые очи, чистые и лишенные зрачков, преданно уставились на Су Цзюгуя, безмолвно клянясь в верности.

Су Цзюгуй, однако, не спешил ослаблять хватку.

— Меня зовут Лу Юньцзи, — тихо, но отчетливо произнес он.

Сяобай в изумлении распахнул глаза. Что этот безумец творит? Зачем раскрывать свое настоящее имя? Половина мира жаждет заполучить его голову, а он так легкомысленно выдает себя какому-то юнцу! Неужели обычная проверка на верность требует заходить так далеко?

Су Цзюгуй смотрел на него светлыми, почти прозрачными глазами лисьего племени. Его взор был мягким, лишенным даже намека на угрозу или подозрение.

Сяобай придал своему лицу самое глупое и невинное выражение, какое только мог:

— А кто это — Лу Юньцзи?

Су Цзюгуй лишь тихо усмехнулся. По его лицу невозможно было понять, раскусил ли он притворство юноши или поверил ему.

— Мой наставник дал мне это имя, когда я ступил на путь даосизма.

В прошлой жизни он звался Су Цзюгуем всего десять лет. В десятилетнем возрасте он поднялся на гору Великой Чистоты, и глава ордена лично наделил его новым именем — Лу Юньцзи. Между этими двумя именами пролегла пропасть шириной в целую вечность: одно принадлежало простому смертному из плоти и крови, другое — прославленному гению совершенствования.

Имя Су Цзюгуй служило ему надежным щитом. Учитель, помнивший его прежнее земное имя, давно покинул этот мир, и теперь во всей Поднебесной лишь его непутевый ученик знал о его происхождении. Но теперь тайна была поведана и Сяобаю.

— Отныне можешь звать меня Су Цзюгуем.

— Не хочу, — заупрямился Сяобай, сооротив капризную мину. — Мне больше нравится звать тебя братом.

«И откуда в нем эта блажь?» — мысленно вздохнул Су Цзюгуй. Ему доводилось быть великим учителем и наставником для многих, но вот старшим братом он не был еще ни разу. Расспрашивать Сяобая дальше не имело смысла — тот явно намеревался помалкивать, а принуждать его силой не хотелось.

Глядя на этого ладного, бесхитростного с виду юношу, Су Цзюгуй не удержался и ласково взъерошил ему волосы. Жест был легким и мимолетным, но Сяобай внезапно замер как вкопанный. Сердце его пропустило удар — он уже и позабыл, каково это, когда тебя ласкают. Когда-то давно он безумно любил эти прикосновения; в такие мгновения ему казалось, что никакая беда мира не сможет до него дотянуться.

Весть о пожаре в мастерской Цицяо быстро разнеслась по округе. Яростное пламя бушевало три дня и три ночи, прежде чем окончательно утихнуть.

Вэнь Ци, ходивший в город раздавать долги, вернулся с целой охапкой слухов. В трактирах и на улицах шептались о заговорах и проклятиях, громоздя одну нелепицу на другую, так что докопаться до истины теперь было решительно невозможно.

Ступив на порог родного дома, он возбужденно качал головой и бормотал себе под нос:

— Чертовщина какая-то... Истинная чертовщина.

Люди поговаривали, будто мастерскую сожрало не простое пламя, а зловещий демонический огонь. Даже проливной ливень не мог сбить жар — пожар утих лишь тогда, когда пламенный дух вволю насытился чужими жизнями и вещами.

Сяобай, сидевший поджав ноги подле Су Цзюгуя, закивал с самым серьезным видом:

— И не говори, братец. Жуть берет.

Вэнь Ци невольно залюбовался этой сценой. После кончины матери он остался круглой сиротой, и в опустевшем доме годами царило гробовое молчание. Теперь же, впервые за долгое время, его слова не повисли в пустоте, а нашли живой отклик.

Пристроившись напротив Сяобая, он заговорщицки зашептал:

— А еще болтают, будто лавочник Ло заслужил такую участь. Говорят, он был тем еще мерзавцем — сгубил сотни невинных душ, заживо превращая людей и демонов в послушных кукол. Сейчас полгорода радуется, что эта клоака наконец выгорела дотла.

Простолюдинам только дай волю посудачить — для них любая беда лишь повод для праздных разговоров. Пожар едва потушили, а людская фантазия уже породила десятки жутких небылиц.

Слухи о том, что Ло Цяоцяо творил марионеток из живой плоти, разлетались быстрее ветра. Некоторые уверяли, будто обезумевшие куклы восстали против своего создателя и сами заживо сожгли хозяина, отомстив за перенесенные муки.

— Интересно все-таки, чьих рук это дело? — вздохнул Вэнь Ци.

Сяобай с любопытством прищурился:

— И что, стража помалкивает?

— Откуда у них вести? — отмахнулся Вэнь Ци. — Армия Таинственных Символов если что и пронюхает, простым смертным не доложит. Сейчас за голову поджигателя назначена награда в тысячу духовных камней.

Сяобай удивленно присвистнул:

— Ого, не поскупились!

— Еще бы, — сокрушенно вздохнул Вэнь Ци. — Сам бы с радостью в ищейки подался за такие-то деньги. Да только где теперь искать этого душегуба? Кто знает, в какую нору он забился.

Су Цзюгуй лишь хранил молчание, пряча усмешку в уголках губ.

Вэнь Ци, похоже, до сих пор пребывал в счастливом неведении, не замечая очевидного.

Общаться с простодушными людьми — истинное удовольствие. С ними не нужно кривить душой и строить козни, поскольку они слишком чисты помыслами, чтобы заподозрить неладное.

Закончив свой рассказ, Вэнь Ци замялся. Ему было невыразимо тяжело покидать родное гнездо, где он прожил без малого двадцать лет. Мысль о переезде пугала своей неизвестностью. Однако, получив щедрую плату за усадьбу, оставаться здесь на правах хозяина он больше не смел.

Поколебавшись, он робко спросил:

— Господин Су... позволено ли мне будет задержаться здесь еще на несколько дней?

Су Цзюгуй не спешил выставлять его за порог, но сам Вэнь Ци понимал, что злоупотреблять чужой добротой негоже — дом ему больше не принадлежал.

Поэтому он поспешно добавил:

— Я готов отрабатывать кров! Буду прислуживать вам, прибирать усадьбу.

Такому просторному поместью определенно требовался догляд, а благородный облик Су Цзюгуя прямо говорил о том, что тот не рожден для черной работы.

Су Цзюгуй невольно подивился его рвению — не каждый день встретишь человека, который сам напрашивается в слуги.

— Поступай как знаешь, — мягко ответил он. — Можешь оставаться здесь столько, сколько сочтешь нужным.

Вэнь Ци про себя ликовал: господин Су оказался на редкость великодушным человеком.

— Однако у меня есть к тебе несколько вопросов, — прервал его размышления Су Цзюгуй.

Головная боль, терзавшая его последнее время, утихла, но сознание по-прежнему напоминало разбитое зеркало. Некоторые фрагменты прошлого бесследно исчезли — обычное дело для того, кто вернулся с того света лишь с жалкой крупницей некогда великой души.

Получив столь щедрое позволение остаться, Вэнь Ци горел желанием хоть чем-то отплатить новому хозяину.

Однако первый же вопрос Су Цзюгуя поверг его в глубокое замешательство:

— Скажи, что сейчас творится на горе Великой Чистоты?

Вэнь Ци удивленно моргнул, решив, что ослышался. О судьбе великой обители знал и стар и млад, так к чему господину Су расспрашивать о вещах столь очевидных?

Памятуя о странствующем даосе, который когда-то спас его семью, Вэнь Ци долгие годы пристально следил за вестями из Четырех Великих Праведных Орденов. Поэтому он поспешил ответить со всей искренностью:

— Обитель запечатана. Весь город Девяти Облаков у подножия разделил ее участь. Печать запечатывания горы опустилась на земли столь плотным щитом, что сквозь него теперь даже птица не пролетит.

«Все верно», — безмолвно согласился Су Цзюгуй. Стоило ему сгнуть в недрах Поглощающей Бездны, как закрытие врат стало единственным разумным выходом для ордена.

Если бы твари, томящиеся в бездонной тюрьме, вырвались на свободу, они бы не просто стерли с лица земли гору Великой Чистоты — они бы утопили в крови всю Поднебесную.

С его гибелью Поглощающая Бездна лишилась своего бессменного стража. Оставшись без защиты, старейшины горы Великой Чистоты были вынуждены прибегнуть к этой крайней мере.

На лице Вэнь Ци отразилась глубокая печаль. Если бы не беспросветная нищета, лишившая его даже медяка на дорожные расходы, он бы давно отправился к этой священной вершине в надежде постичь истинный Путь.

— Люди болтают, — продолжил юноша, — будто старейшину Лу Юньцзи покарали Небесным громом. Не знаю, какие страшные грехи он совершил, но в ту ночь, когда молнии испепелили его плоть, гора Великой Чистоты затворила свои врата навсегда.

Услышав собственное имя, Су Цзюгуй даже не вздрогнул. Его лицо оставалось бесстрастным, словно речь шла о безвестном страннике, чья судьба его ничуть не заботила.

Лу Юньцзи охранял рубежи Поглощающей Бездны без малого тысячу лет. Для простых смертных этот срок казался целой вечностью, за которую рушились империи и высыхали моря, но для бессмертного промелькнул как одно мгновение.

Теперь же, оглядываясь назад, он ловил себя на мысли, что те времена действительно остались в прошлой жизни.

— А ведь я когда-то лелеял мечту стать учеником самого Бессмертного почтенного Юньци, — с горькой усмешкой признался Вэнь Ци.

Ему было искренне жаль великого мастера. Столь яркая звезда, любимец небес — и угаснуть в одночасье. Какая несправедливость!

Но парень жестоко заблуждался. Даже обойди его стороной кара небес, Су Цзюгуй за всю свою жизнь взял в ученики лишь одного дракона и более не принимал никого. Проживи Вэнь Ци на горе Великой Чистоты хоть сотню лет, он бы вряд ли удостоился хотя бы мимолетного взгляда великого мастера.

— Какой сегодня день? — внезапно сменил тему Су Цзюгуй.

Вопросы господина Су казались лишенными всякой связи, однако Вэнь Ци послушно ответил:

— Девятнадцатый год девиза правления Цисхэн, третий день восьмого лунного месяца.

Девятнадцатый год правления... Именно тогда на престол взошел третий император демонического племени Мо Фэн. Выходило, что с момента казни Лу Юньци прошло всего каких-то двадцать лет.

Судя по всему, демоны прочно обосновались в Императорской столице, а Поднебесная оказалась во власти Армии Таинственных Символов. Чтобы раз и навсегда сломить дух заклинателей-людей, демоны приложили бы все усилия, дабы не позволить Лу Юньци вернуться в этот мир.

— А слышал ли ты когда-нибудь имя Чжубай? — тихо спросил Су Цзюгуй.

Он спросил об этом не потому, что искал покровительства у ученика, которого сам же некогда с позором изгнал из ордена. Им двигало лишь простое человеческое любопытство: хотелось узнать, как сложилась судьба этого строптивого юноши.

Увлеченный беседой с Вэнь Ци, Су Цзюгуй не заметил, как Сяобай, доселе дремавший с безучастным видом, при этих словах мгновенно распахнул свои белые очи.

<http://bllate.org/book/18298/1755123>